

Следуя за Флорианом Фортескью из комнаты для персонала в торговый зал книжного магазина «Флориш и Блоттс», Гилдерой Локхарт, еще мгновение назад сокрушавшийся из-за своей клаустрофобии, под первыми же вспышками колдокамер мгновенно нацепил самую ослепительную, профессиональную улыбку.

В эти секунды он чувствовал себя павлином, распускающим хвост: стоило вспыхнуть свету, как его великолепное оперение раскрывалось само собой. И это было прекрасно. Подобное поведение как нельзя лучше соответствовало его статусу — всемирно известного писателя, кавалера ордена Мерлина и, разумеется, барона. Настоящего, потомственного аристократа!

— О, здравствуйте! Приветствую всех! Спасибо, что так цените мое творчество!

Внимая восторженным вздохам дам всех возрастов, Локхарт привычно склонил голову, одарив толпу своей фирменной улыбкой под углом в пятнадцать градусов. Золотистая челка слегка упала на глаза, и он изящным движением длинных пальцев небрежно откинул ее назад, что — вполне ожидаемо — вызвало в толпе волну восхищенного писка. Да, именно таким он и был: великий Гилдерой Локхарт, способный покорить любое сердце — от столетних старушек до пятилетних крох. А тот жалкий трус, что дрожал в темноте подсобки всего пару минут назад... Что ж, ему самое место в запертом чулане. Навечно.

— О, я знаю, знаю, вы ждали меня так долго! Конечно же, я подпишу книги каждому из вас! Ни один свиток, ни один фолиант не останется без моего автографа! И речь идет не только о моей новой автобиографии «Я — волшебник»! Если вы принесли с собой «Встречи с баньши», «Досуг с кумполскими упырями», «Каникулы с каргой», «Тропой троллей», «Встречи с вампирами», «Прогулки с оборотнями» или даже «Год с йети» — я с радостью оставлю на них свой росчерк. Я не стану жалеть чернил ради вас, ведь ваша поддержка — это то, ради чего я тружусь...

Локхарт умышленно растягивал гласные, понижая голос до вкрадчивого, бархатистого баритона. Этот отточенный прием безотказно задевал невидимые струны в душах почитателей, заставляя их скупать его книги стопками и без усталости пополнять его личный сейф. Сам же он платил за это сущее безделье лишь парой росчерков пера.

Вновь небрежно отбросив со лба золотистую прядь, он с изысканной грацией опустил в мягкое кресло. Длинные, холеные пальцы сжали изумрудно-зеленое перо. Серебряный стержень в его руках поблескивал при каждом движении, рождая сочетание серебра и зелени — великие цвета Слизерина. Даже спустя годы этот союз оставался его излюбленным, хотя кричать об этом на каждом углу Гилдерой не спешил.

С неизменной улыбкой на лице он выводил витиеватые каллиграфические буквы на титульных листах подаваемых книг. Идеальные изгибы, выверенные наклоны, безупречное соотношение тонких линий и жирных штрихов — результат многотысячных тренировок перед зеркалом. Само совершенство.

— О, благодарю вас!

— О, с превеликим удовольствием!

— Да-да, разумеется!

Он расточал короткие, выверенные ответы бархатистым голосом — не слишком фамильярные, но и не холодные. Время летело незаметно. Писатель давно привык к подобной рутине, сытой и спокойной, хотя от долгой писанины правое запястье уже начинало понемногу ныть. Ломило не только руку, но и затекшую шею. Локхарт картинно вскинул голову, разминая плечи, и скользнул по толпе томным, слегка затуманенным взглядом. В этом взгляде не было фокуса, но толпа все равно отозвалась восторженным вздохом. Секунда для демонстрации утомленного величия была выбрана безупречно — изнывающие в очереди волшебники воспрянули духом.

Писатель уже начал привычно растягивать губы в дежурной улыбке под углом в пятнадцать градусов, как вдруг замер. Он уловил отчетливое колебание магии.

Кто это? Колебания были невероятно тонкими, едва уловимыми, но до безумия знакомыми.

«Неужели кто-то здесь... использует эльфийскую магию?»

Гилдерой попытался отыскать источник в бесконечном море голов, но всплеск угас так же быстро, как и появился, не оставив следа. Будто почудилось. Возможно, сегодня действительно не его день — неужели запертая подсобка так расшатала нервы, что у него началась паранойя? Или вокруг действительно что-то затевалось?

Он продолжал краем глаза следить за той стороной зала, откуда донеслась волна. За отрепетированной годами улыбкой и полуприкрытыми веками он надежно скрывал свое замешательство — никто вокруг не заподозрил неладного. И тут в той самой части книжного магазина поднялся легкий шум. Ему представилась отличная возможность во всем разобраться.

Изобразив легкое недовольство суматохой, Локхарт зажал серебряно-зеленое перо между пальцами и величественно приподнялся, вглядываясь в источник шума. В следующее мгновение он заметил мальчишку, которого невозможно было перепутать ни с кем другим. Это был Гарри Поттер.

«Тот самый Мальчик-Который-Выжил? Одолевший Того-Кого-Нельзя-Называть?»

— Гарри Поттер!

Желание немедленно во всем разобраться сыграло с ним шутку: голос прозвучал излишне громко, а движения вышли чересчур стремительными. Не успел никто и глазом моргнуть, как Локхарт преодолел разделявшее их расстояние, коршуном налетел на Гарри и цепко схватил его за плечо.

Да, от мальчишки действительно исходили странные магические эманации. В его теле уживались сразу три силы. Первая безмолвно дремала в правой части разума. Вторая плотным коконом обволакивала эту спящую энергию. Третья же, судя по всему, являлась его собственным источником — она вполне соответствовала силе тринадцатилетнего волшебника, что для его лет было весьма впечатляюще. Впрочем, контролировал ее юный Поттер, похоже, из рук вон плохо.

«Ну конечно, его мать...»

Следовательно, одна из этих сил в его сознании принадлежала Лили Эванс — его великой матери. Разумеется, Локхарт помнил ее, пусть после замужества она и стала Лили Поттер. Еще будучи студентом Хогвартса, он много слышал об этой невероятно одаренной маглорожденной волшебнице, которая в свое время была настоящей грозой школы. Но откуда взялась еще одна сила? На эльфийское происхождение она походила меньше всего.

На мгновение Гилдерой оцепенел, разглядывая Поттера. Он непроизвольно потянулся к знаменитому шраму-молнии на лбу мальчика, но тот вовремя уклонился, отстранившись.

М-да, не самый джентльменский жест с его стороны. К счастью, Локхарт виртуозно выпутывался из любых неловких ситуаций, так что эту досадную оплошность он замаял в два счета.

Продолжив начатое движение, он изящно описал рукой дугу в воздухе и вновь поправил золотистую челку. Ладонь, сжимавшая плечо Гарри, так и не разжалась. Слегка потянув упирающегося подростка на себя, Гилдерой выволок его на всеобщее обозрение. Каким бы великим ни считали этого Мальчика-Который-Выжил, он все еще оставался всего лишь ребенком.

Стоило Локхарту лучезарно улыбнуться, как зал взорвался оглушительными аплодисментами. Сдерживая снисходительный смешок при виде пунцового от смущения Гарри, он принялся охотно позировать перед всюю суевившимся фотографом.

— Выше нос, Гарри! Шире улыбку! — прошептал он сквозь зубы. — Помяни мое слово, завтра мы с тобой украсим передовицу «Ежедневного пророка»!

Он ослепительно улыбнулся, обнажив идеально ровный ряд белоснежных зубов, однако за спадающими золотыми локонами скрывался холодный, оценивающий взгляд ледяных синих глаз. Спектакль нужно играть до конца, а актером он всегда был превосходным, даже если партнер по сцене безнадежно фальшивил.

— Дамы и господа! — Локхарт вскинул руку, призывая зал к тишине, добиться которой для него не составило ни малейшего труда. — Какой знаменательный момент! Позвольте мне воспользоваться этим великолепным случаем и сделать одно скромное объявление, которое я до сих пор держал в строжайшей тайне!

— Юный Гарри переступил сегодня порог «Флориш и Блоттс» с одной лишь скромной надеждой — приобрести мою автобиографию. И я с превеликим удовольствием преподношу ему этот фолиант в подарок! Но наш герой и не подозревал, что очень скоро он получит нечто куда более ценное, нежели скромный томик под названием «Я — волшебник»! Он и его сокурсники получают меня самого — живого, настоящего, владеющего магией! Да-да, леди и джентльмены, с чувством глубочайшей гордости и радости я объявляю: в грядущем сентябре я вступлю в должность преподавателя защиты от Темных искусств в Школе Чародейства и Волшебства Хогвартс!

Вспышки магниевого пламени озарили зал с новой силой. Воспользовавшись моментом, он наконец отпустил сбитого с толку Мальчика-Который-Выжил и вернулся к автографам. Нужно было поторапливаться и заканчивать с этой рутинной: его не покидало скверное предчувствие. Словно на него... нацелилась ядовитая змея.

И предчувствие его не обмануло.

Когда вконец измотанный Гилдерой наконец покинул душный торговый зал и направился к неприметной боковой двери в подсобке, чтобы потихоньку ускользнуть, он обнаружил, что выход заблокирован. Прямо у двери стоял юный волшебник. Очевидно, это не было случайностью — мальчик ждал именно его.

— Господин барон, Гилдерой Локхарт! — окликнул его Пан.

На мальчике была простая черная мантия без капюшона, из-за чего его яркие платиновые волосы сразу бросались в глаза. Скрывать свою внешность он даже не думал.

— О, юный аристократ с платиновыми волосами... — Локхарт удивленно приподнял брови. — Позвольте спросить ваше имя. Драко Малфой? Насколько мне известно, у Люциуса лишь один сын.

При виде подростка Гилдерой внутренне напрягся. Платиновые волосы... Малфой? Или все-таки эльфы?

— К чему эти притворства? — Пан мягко улыбнулся.

Ему совершенно не хотелось ходить вокруг да около с признанным мастером лицедейства — это лишь отняло бы драгоценное время. К тому же нужно было сорвать маску с наследника рода Локхарт до того, как здесь появится зловещий декан Слизерина.

— Вы знаете об эльфах не меньше, чем я знаю о вашей семье. Не так ли?

От этих слов Гилдерой вздрогнул. Раз перед ним не младший Малфой, значит, этот характерный платиновый оттенок волос мог указывать лишь на эльфийское наследие. К тому

же мальчишка прямо упомянул эльфов. Значит, тот едва уловимый след древней магии вовсе не почудился ему — его источником действительно был этот ребенок?

— Дитя мое, право, я не совсем понимаю, о чем вы толкуете, — примирительным тоном произнес Локхарт, тщательно взвешивая каждое слово. — Эльфы? Не страдаете ли вы часом... излишне живым воображением?

Признавать что-либо с ходу он не собирался. Слишком высоки были ставки. Эта тайна имела колоссальное значение как для него самого, так и для его угасающего рода. И пусть теперь весь этот древний род состоял из одного-единственного человека — его самого, — важности дела это не умаляло.

Пан не собирался тратить время на пустую болтовню. Он решил действовать напрямую. Бесшумно наложив вокруг них плотное Заглушающее заклятие и заклинание против подслушивания, мальчик вытащил небольшой клочок пергамента. Направив на него капельку магии, Пан вывел эльфийские руны скрывающего заклятия игнорирования, после чего серьезно посмотрел писателю в глаза:

— Гилдерой Локхарт. Родился в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году. В семьдесят шестом поступил на Слизерин, откуда ушел в восьмидесятом, так и не окончив Хогвартс. На экзаменах С. О. В. вы получили высшую оценку «Превосходно» по пяти предметам: Зельеварению, защите от Темных искусств, Прорицаниям, Уходу за магическими существами и Заклинаниям. Что же касается остальных семи дисциплин, то оценки за них отсутствуют лишь по одной причине — вы просто не явились на экзамены.

— О, разумеется, — хмыкнул Локхарт. Маска самодовольного франта окончательно слетела с его лица. Его взгляд стал ледяным, а губы сжались в тонкую линию. — Хотя я приложил немало усилий, чтобы скрыть эти подробности от назойливой публики... Любой, у кого есть доступ к школьным архивам Хогвартса, при должном усердии откопает эти бумаги. И что с того? Вы выложили мне это, чтобы шантажировать? Да, подобные слухи могли бы подпортить мой безупречный образ, но то было военное время! К тому же все свои знания я добирал самостоятельно.

— Мне известно также, что вы отправились в Черный лес Албании, — негромко произнес Пан, прямо глядя собеседнику в глаза и пресекая любую попытку соврать. — Вы бежали туда сразу после падения Волдеморта. Да и потом частенько наведывались в те края.

— А вы на редкость осведомлены, — процедил Гилдерой. В его глазах больше не было привычного блеска — лишь холодный, пронизывающий прищур ледяных глубин.

— Я же сказал: мне хорошо известна история рода Локхарт, — спокойно отозвался Пан, ничуть не смутившись его грозного взгляда.

— И насколько же хорошо?

— Вы покинули страну, чтобы сберечь нейтралитет своей семьи в той безумной войне. И до сегодняшнего дня продолжали носить маску шута ради одной-единственной цели — удерживать этот нейтралитет.

Да, нейтралитет. Будучи блестящим студентом Слизерина в преддверии Первой магической войны, Гилдерой не избежал внимания Темного Лорда. Тот жаждал заполучить преданность древнего рода Локхарт — ведь за их спинами стояли некогда исчезнувшие эльфийские династии. И пусть уже несколько поколений Локхартов не являли миру унаследованную силу предков, их кровь все еще имела огромную ценность. Чтобы заставить молодого человека присягнуть на верность и принять Темную метку, Волдеморт захватил в плен тогдашнего главу семьи — Эдгара Локхарта.

Но род, отмеченный эльфийским благословением, никогда бы не склонил колени перед Темным Лордом. Тем более теперь, когда спустя века забвения юный Гилдерой — единственный наследник — наконец пробудил в себе древнюю силу крови. Чтобы не втянуть эльфийское наследие в кровавую резню магов, присяга была исключена. Однако и бежать под крыло Белого Темного Лорда они не могли. Все Локхарты испокон веков учились на Слизерине, а Альбус Дамблдор никогда не питал доверия к змеиному факультету. Побег оставался единственным выходом. К тому же Гилдерой, пусть и пробудил семейный дар, все еще не прошел обряд признания у эльфов. Бегство в Черный лес Албании убивало двух зайцев разом — именно там, по преданиям, в последний раз видели представителей древней расы.

— Я искренне восхищаюсь виконтом Локхартом, вашим отцом, — негромко промолвил Пан, глядя на погрузившегося в тяжелые воспоминания мужчину. — Но я не считаю, что его смерть должна была быть напрасной.

— Он погиб. Но не напрасно, — в глубине ледяных глаз Гилдероя на мгновение промелькнула тень глухой, застарелой тоски, которую он тут же подавил. — Ведь его стараниями наш род сумел сохранить столь желанный нейтралитет.

— А что насчет вас? — Пан поднял голову, и его чистые, темно-зеленые глаза встретились со взглядом писателя. — Вы задумывались, почему именно сейчас Дамблдор пригласил вас занять пост преподавателя защиты от Темных искусств? Каков его истинный замысел?

— Задумывался, — Гилдерой попытался было вновь нацепить привычную маску безмятежного хвастуна, но, натолкнувшись на этот пронзительно чистый, не знающий фальши взгляд, передумал. Перед этим мальчиком кривляться не хотелось. — Но какое это имеет значение? У меня всегда найдется способ выйти сухим из воды. Разве нет?

— Очередным Заклятием забвения? Стереть себе память, навсегда отказаться от эльфийского наследия и собственноручно оборвать последнюю ниточку древнего рода Локхарт?

Пан спросил об этом без обиняков, заставив Гилдероя яростно сверкнуть глазами.

— Мне стоит восхититься вашим прорицательским даром, мистер Трэлони?

В ответ мальчик лишь мягко улыбнулся. Его молчание, окутанное теплым, изумрудным сиянием глаз, странным образом утихомирило бурю в душе Локхарта, бережно коснувшись его тщательно скрываемых душевных ран.

— Простите, — тихо произнес Пан.

Его голос звучал отстраненно, но в нем сквозило удивительное, умиротворяющее тепло.

— Оставьте, мне не нужны ваши извинения, — отмахнулся Гилдерой, пристально вглядываясь в лицо юного мага. — Я хочу знать лишь одно: какова ваша цель?

— Я хочу положить конец этой войне, — безмятежно улыбнулся Пан. — И не желаю, чтобы дорогие мне люди превратились в холодные надгробия на кладбище.

Мальчик достал из кармана сложенный листок пергамента, исписанный мелким почерком, и вложил его в ладонь писателя.

— Надеюсь... на ваше содействие.

Гилдерой молча смотрел на платинововолосого подростка. Даже спустя много лет он будет в мельчайших подробностях помнить их первую встречу и это прощание.

Мальчик прохладными пальцами скользнул по его ладони, оставляя записку. Пан слабо улыбнулся — впервые этой улыбкой он коснулся самой глубины души Локхарта. То был чистый, искренний взгляд изумрудных глаз, лишенный прежней настороженности, глубокий и мудрый, словно у первородных эльфов.

Затем мальчик резко развернулся, и его черная мантия взметнулась за спиной тяжелой темной волной.

<http://bllate.org/book/18188/1761767>